

Смирнов С. И. [Рец. на:] Беседы по русской истории: Книга для чтения в школе и дома / Издание Училищного Совета при Святейшем Синоде. СПб., 1895 // Богословский вестник 1896. Т. 1. № 1. С. 163–169 (2-я пагин.).

„Бесѣды по русской исторіи“. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Изданіе Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ. Спб. 1895.

Книга по отечественной исторіи, предназначенная для чтенія народа, должна быть оцѣниваема главнымъ образомъ со стороны пригодности ея для читателей, — со стороны умѣнья автора дать подходящее чтеніе народу. Съ этой точки зрѣнія и мы постараемся оцѣнить книгу, заглавіе которой выписано.

Первыя свѣдѣнія изъ отечественной исторіи, какъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ областей знанія, мы получаемъ раньше умѣнья читать и раньше школы. Въ каждой даже непросвѣщенной семьѣ есть нѣкоторый запасъ историческихъ свѣдѣній, полученный разными путями. Личныя воспоминанія кого-либо изъ старшихъ въ семьѣ о событіяхъ недавняго времени, устные преданія старины глубокой, подслушанныя изъ плѣсни слѣпца или пересказа былинника, начитанность въ житіяхъ отечественныхъ святыхъ, церковная проповѣдь, наконецъ разговорный языкъ съ его историческими пословицами и съ постоянными эпитетами нѣкоторыхъ историческихъ лицъ, — все это пути, которыми проникаютъ въ простую среду и поддерживаются въ ней отрывочныя историческія знанія. Этими же путями чрезъ посредство старшихъ или грамотныхъ доходятъ первыя свѣдѣнія о прошедшихъ судьбахъ родины до ребенка и неграмотнаго человѣка. Конечно, при случайности источниковъ объемъ свѣдѣній разныхъ семействъ и разныхъ дѣтей бываетъ не одинаковъ. Тѣмъ не менѣе среди нашего народа есть особенно популярныя историческія имена и особенно любимыя событія, которыя можно считать до нѣкоторой степени общеизвѣстными. Послѣ именъ русскихъ святыхъ, въ обители и къ

мощамъ которыхъ путешествуетъ русскій богомолецъ, и событій изъ ихъ жизни, о которыхъ онъ наслушивается или начитывается во время богомолья, наиболее знакомымъ русскому народу изъ родного прошлаго является то, что сохранилось въ народныхъ былинахъ или въ живомъ языкѣ и что случилось на памяти современниковъ.—Эти свѣдѣнія далѣе не отличаются одинаковымъ достоинствомъ: они могутъ быть вѣрны или искажены, отрывочны и безсвязны или прикрашены легендой. Тѣмъ не менѣе и здѣсь можно подмѣтить одно направленіе, отмѣчающее историческія представленія простого человѣка, господствующій вкусъ въ ихъ передачѣ. Это направленіе характеризуется назидательностью, являющейся естественнымъ слѣдствіемъ общечеловѣческой потребности искать лучшаго въ прошедшемъ и почувствоваться тамъ,—а кромѣ того это направленіе воспитано въ народѣ еще издавна агіографической литературой. Господствующій вкусъ народа требуетъ отъ историческихъ извѣстій занимательности. Недаромъ на народномъ языкѣ слово „исторія“ означаетъ любопытный, изъ ряда вонъ выдающійся случай, недаромъ историческія преданія облакаются въ народной памяти въ пестрыя легенды. Занимательность есть естественное условіе живучести и распространяемости историческихъ свѣдѣній.—Все это необходимо имѣть въ виду при составленіи популярной книги по русской исторіи, потому что все это главнымъ образомъ и опредѣляетъ ея *планъ, направленіе и форму*. Такая книга отнюдь не должна имѣть видъ учебника, обыкновенно представляющаго всего понемногу, сухо и схематично передающаго событія исторіи. Популярная книга, рассчитанная на ребенка низшаго школьнаго возраста и на простого человѣка, можетъ говорить не обо всемъ, а по выбору, приспособленному къ потребностямъ читателя. Не обязанная говорить обо всемъ, эта книга, обнимающая отечественныя событія, начиная съ событій, бывшихъ тысячу лѣтъ тому назадъ, до смерти покойнаго Государя, обязана рассказать о весьма многомъ, обо всемъ томъ, что стоитъ историческимъ вопросомъ предъ вниманіемъ простого человѣка. Напр. такъ называемые мертвые историческіе памятники, которые доселѣ питаютъ живое религіозное и патріотическое чувство народа (древніе храмы и монастыри, дворцы и кремли и пр.), важнѣйшіе памят-

ники, вызывающіе простую мысль на истерическія догадки, а перѣдко и на легенды, обязательно должны найти въ книгѣ хотя короткіе историческіе очерки. Иначе книга будетъ неполна. Далѣе, выбравъ предметы, интересующіе народную мысль, популярная книга должна рассказывать о нихъ назидательно, живо и увлекательно. Поэтому самой подходящей для нея литературной формой является бесѣда. Такія обязанности налагаются на автора книги по отечественной исторіи для народнаго и школьнаго чтенія кругомъ ея читателей.

Наука съ своей стороны предъявляетъ къ книгѣ требованія, хотя и очень скромныя. Предоставляя выборъ матеріала потребностямъ читателя, зная, что въ исторіи онъ ищетъ скорѣе нравственной чѣмъ исторической правды и прежде всего занимательнаго, историческая наука не имѣетъ права требовать отъ народной книги, чтобы она представляла систему и систему новую, чтобы она выдвигала на первый планъ предметы, которые стали важны по современному признанію науки, чтобы наконецъ передача свѣдѣній была совершенно согласна съ критически обработанными источниками. Эти требованія должно предъявлять къ популяризаціи другого высшаго порядка, имѣющей въ виду болѣе развитыхъ читателей. Отъ народной книги можно требовать одного—избѣгать завѣдомыхъ ошибокъ и быть возможно ближе къ источникамъ родной исторіи. Развитие и вкусъ нашего народа остаются на степени вкуса и развитія древне-русскаго чловѣка, который писалъ лѣтописи, житія и сказанія и читалъ ихъ, учась урокамъ и порядкамъ старины, поучаясь жизни угодниковъ или ища развлеченія. Не ходя далеко, не стараясь поддѣлаться подъ вкусъ и языкъ народа, автору популярной книги по отечественной исторіи придется быть внимательнымъ къ источникамъ и передавать ихъ возможно точнѣе. Выгода получается двойная. Самый простой читатель будетъ имѣть знаніе не по догадкамъ и соображеніямъ историка, которыя всегда могутъ рухнуть, а по историческимъ памятникамъ, драгоценному достоянію исторической науки, лежащему въ ней прочнымъ фундаментомъ. Въ то же время книга будетъ проста, назидательна и интересна, потому что она народна по самому существу.

Смотря на разбираемую книгу съ сейчасъ указанныхъ точекъ зрѣнія, при ея положительныхъ достоинствахъ можно замѣтить и существенные недостатки. Написанная по самой подходящей литературной формѣ бесѣды, она не безъукоризненна прежде всего по плану. Въ ней есть предметы, посторонніе русской исторіи, и замѣтно отсутствіе предметовъ, которые всего менѣе могутъ быть опущены въ книгѣ для народа. Бесѣда о славянскихъ апостолахъ введена въ рядъ бесѣдъ по русской исторіи не только основательно само по себѣ, но и по причинамъ, понятнымъ для читателя. Но зачѣмъ помѣщены бесѣды о Коссовской битвѣ и паденіи Византіи, онъ едва ли догадается. Передавая эти важныя событія православнаго міра, авторъ забылъ сказать, что послѣ нихъ во всей подлунной остался одинъ только царь православный, не упомянулъ объ исторической миссіи Россіи по отношенію къ православному востоку, не смотря на то, что по поводу одной войны нашей съ Турціей онъ припоминаетъ эти турецкія побѣды (250 стр.). Съ другой стороны въ книгѣ есть необъяснимые пропуски. Церковно-историческій элементъ въ книгѣ вообще незначителенъ. Читатель не найдетъ здѣсь разказовъ о св. Борисѣ и Глѣбѣ, о св. Михаилѣ Черниговскомъ, о святителяхъ Московскихъ, о Валаамскихъ и Соловецкихъ Чудотворцахъ, а между тѣмъ извѣстно, какъ чтить народъ этихъ святыхъ, какъ хорошо знаетъ онъ эти имена. Изъ гражданской исторіи пропущены извѣстія о казняхъ Іоанна IV, такъ что читатель не найдетъ отвѣта, почему этого царя всѣ, въ томъ числѣ и авторъ „Бесѣдъ“, зовутъ Грознымъ. Этотъ пропускъ вѣроятно явился потому, что въ разказѣ о такомъ предметѣ какъ казни трудно быть назидательнымъ. Можетъ быть потому же самому въ бесѣдѣ о Петрѣ Великомъ пропущены бунты стрѣльцевъ и козни царевны Софьи, ни слова не говорится объ отношеніи народа къ реформамъ императора. Если наша догадка вѣрна, то мотивы пропуска указанныхъ предметовъ намъ не кажутся убѣдительными, потому что назидать могутъ не только труды, слава и добро, но и грѣхи и темныя дѣянья (послѣдніе отрицательнымъ образомъ). Почему то не нашлись въ „бесѣдахъ“ мѣста и великому вольному Новгороду, воспѣтому былинной.—Замѣтны попытки систематизаціи историческаго матеріала, которыя нельзя приз-

нать удачными. Напр. рядомъ поставлены рассказы о Печерскомъ монастырѣ (Монашество и монастыри 63—70) и о преп. Сергіи. Но мѣсто перваго послѣ бесѣдъ о нашествіи татаръ и возвышеніи Москвы можетъ только спутать хронологическія прадставленія читателя и не помогаетъ въ тоже время общему представленію о древне-русскомъ монашествѣ (что имѣлъ авторъ въ виду), потому что систематизація не доведена до конца. Именно общезитительный уставъ монашеской жизни описывается и въ той и въ другой бесѣдѣ (стр. 66 и 85) по частямъ безъ указанія на то, что преп. Сергіи устроилъ жизнь своего монастыря такъ же, какъ раньше его преп. Ѳеодосій.

На этихъ двухъ бесѣдахъ мы должны остановиться, оцѣнивая книгу и со стороны назидательности и занимательности, насколько та и другая зависитъ отъ отношенія ея автора къ историческимъ памятникамъ. Въ похвалу автору можно поставить то, что онъ знакомъ съ первоисторичниками и нерѣдко обращается къ нимъ. Указанныя бесѣды впрочемъ представляютъ нѣкоторыя неловкости въ отношеніи къ передачѣ историческихъ памятниковъ. Для бесѣды о монашествѣ и монастыряхъ авторъ сильно сокращаетъ печерскій патерикъ, такъ что рассказъ становится сухъ и мало интересенъ; бесѣда о преп. Сергіи составлена по житію его, написанному Елифаніемъ премудрымъ, составлена подробно съ обращеніями къ читателю, съ назидательными разсужденіями. Ни то ни другое отношеніе къ памятникамъ нельзя считать удачнымъ. Извѣстно, что лучше запоминается и читается съ большимъ интересомъ рассказъ подробный, съ индивидуальными чертами лицъ и бытовой обстановкой. Поэтому сокращеніе печерскаго патерика, особенно Несторова „Житія преп. Ѳеодосія“, одного изъ первыхъ по своимъ историческимъ и литературнымъ достоинствамъ памятника, является положительно въ ущербъ назидательности и занимательности бесѣды. Возьмемъ самую любопытную сторону Ѳеодосіева житія—изображеніе любви матери къ сыну и любви сына къ матери и борьбы сей послѣдней съ любовью къ подвижничеству. Отношеніе сторонъ и ихъ душевное состояніе прекрасно характеризуемо словами „Житія“: „По лѣтѣ бо единѣмъ паки видѣвши (мать преп. Ѳеодосія) и (Ѳеодосія), пекуща просвѣры, оучернишеса отъ ожженія печнаго *сжали*

еи зило, паки начать о томъ *бранити* ему, овогда *ласкою* овогда *грозю*, дрогой же бующе и да останется дѣла такового. Божественный же юноша въ скорби велицѣ бѣ о томъ, и недоумѣя, что створити“¹⁾. Отношенія между сыномъ и матерью таковы—они любятъ, но не понимаютъ другъ друга. Первая изъ любви къ сыну не хочетъ отдать его подвижничеству, второй любя мать не можетъ удержаться отъ подвиговъ. Отсюда смѣшанность чувствъ въ душѣ матери и сына: жалость и гнѣвъ, выражаемые то лаской то лозой, въ душѣ матери, при рѣшительномъ незнаніи, что дѣлать съ страннымъ сыномъ, скорбь и недоумѣніе въ душѣ Θεодосія и тоже незнаніе что дѣлать. Въ житіи мы найдемъ и конецъ этой борьбы. Она кончилась тогда, когда въ душѣ подвижника словами Евангелія „аще кто не оставитъ отца и мать....“ разрѣшилось его недоумѣніе. Въ бесѣдѣ передаются факты, но ихъ смыслъ не указанъ ясно. А между тѣмъ развитіе этой стороны житія было бы желательно не въ интересахъ только занимательности и правдивости передачи памятники, но и въ виду назидательности, именно потому, что въ слѣдующей бесѣдѣ рассказывается объ иныхъ отношеніяхъ къ родителямъ другого подвижника. Сопоставляя отношенія преп. Сергія къ родителямъ съ отношеніями преп. Θεодосія къ матери, читатель вынесетъ впечатлѣніе о послѣднемъ просто какъ о непокорномъ сынѣ. При большей внимательности къ памятнику этого не произошло бы. Въ такомъ случаѣ не пропали бы многія интересныя подробности патерика, которыя не нашли себѣ мѣста въ сухомъ и схематическомъ пересказѣ. Бесѣда о преп. Сергіи погрѣшаетъ въ другомъ отношеніи. Изъ желанія быть назидательнымъ, авторъ обращается къ читателю съ приглашеніемъ назидаться (стр. 71), дѣлаетъ рядъ выписокъ изъ одного слова м. Филарета, пишетъ витіеватымъ языкомъ. По нашему мнѣнію все это совершенно излишне. Можно было бы ограничиться подробнымъ рассказомъ о жизни и подвигахъ преп. Сергія и факты говорили бы сами за себя. Гораздо удачнѣе составлена слѣдующая бесѣда о св. Стефанѣ Пермскомъ, обстоятельно передающая житіе святого, написанное

1) Яковлевъ, Памятники русской литературы XII—XIII вв. Спб. 1872, стр. 7.

тѣмъ же Епифаніемъ. Относительно занимательности книги надо сказать слѣдующее. Въ ней есть прекрасныя бесѣды и живо написанныя страницы. Лучшими бесѣдами надо признать „Нашестіе татаръ“, „св. Стефанъ Пермскій“ „Братства въ Южной и Западной Россіи“ и послѣднія бесѣды начиная съ бесѣды о св. Тихонѣ Задонскомъ. Съ особеннымъ интересомъ читаются рассказы объ отечественной войнѣ 12 года, о крымской войнѣ и о послѣдней турецкой,—пересыпанные интересными эпизодами изъ военнаго быта.—Скучны и слабы бесѣды, въ которыхъ отсутствуетъ біографическій или эпизодическій элементы, бесѣды, передающія о важнѣйшихъ явленіяхъ русской государственной исторіи: „Суздальская Земля“, „Возвышеніе Москвы“. Если авторъ счелъ нужнымъ познакомить читателя съ этими центральными фактами русской исторіи, то непонятно, почему онъ говоритъ о нихъ такъ сжато и поверхностно. Читатель не найдетъ достаточнаго объясненія, почему центръ русской исторической жизни переносится съ юга на сѣверъ и почему здѣсь на сѣверѣ верхъ беретъ Москва,—хотя все это предметы не трудныя для пониманія и поддающіеся самому простому пересказу. О собираніи Руси московскими князьями въ книгѣ находятся только обмолвки.—Въ ней найдутся кромѣ того мнѣнія давно отвергнутыя наукой, напр. о Несторѣ, какъ первомъ лѣтописцѣ (стр. 69), о томъ, что первые расколоучители были книжными справщиками.—Языкъ книги вообще хорошій, исключая бесѣды о преп. Сергіи витеватой и растянутой (особенно кон. 77 и нач. 78 стр.) Впрочемъ встрѣчаются и грамматическія неправильности („давнѣ“ 175 стр., „повсюднѣ“ 173 стр.).

Итакъ оцѣнивая разбираемую книгу какъ популярно-историческій опытъ, мы, хотя не назовемъ ее безукоризненною, можемъ однако признать за нею положительныя достоинства.

С. Смирновъ.